

Вероника ДУДАРОВА: ДИРИЖЕР — ПРОФЕССИЯ ШТУЧНАЯ

Для москвичей Вероника Дударова и ее оркестр — нечто хорошо знакомое и привычное. А вот одна из шведских газет услышала ее концерт так: «...Что касается дирижера Дударовой: это просто переодетый Герберт Караян!»

Аркадий ПЕТРОВ

— Вероника Борисовна, чьи портреты висят на стенах вашего кабинета?

— Караяна, Чарльза Мюнша и Мравинского. Трех моих любимых дирижеров.

— А как вы, кавказская женщина, попали в классическую музыку?

— Да какая там кавказская женщина! Папа окончил Петербургский технологический институт, работал на нефтепромыслах, был известным инженером. Баку тогда, в 20–30-х годах, был очень музыкальным городом. Туда приезжал молодой Ойстрах, на концерты которого я регулярно бегала. Было много зарубежных дирижеров. Один из них — Стефан Штрассер — собрал вокруг себя талантливых ребят. Водил нас на концерты, в оперу. Потом я поступила в Ленинграде в музыкальное училище. А затем решила вместо фортепиано заняться дирижированием. Это была самая настоящая авантюра.

— Много ли в мире известных женщин-дирижеров?

— Я знаю только американку Сару Колдуэлл — оперного дирижера из Чикаго. И еще несколько талантливых женщин-дирижеров в Скандинавии. В «Геликон-опере» сейчас работает молодая молдаванка Виктория Унгуряну.

— А ваши профессора не пугали вас тем, что мужчины-музыканты могут отказаться подчиняться дирижеру-даме?

— Да мои педагоги прекрасно знали мой характер — твердый, как камень. Впрочем, Мравинский как-то сказал, что если бы я была не девушкой, а молодым человеком, то он немедленно взял бы меня к себе ассистентом.

— Вы трудно расставались с оркестром Московской областной филармонии?

— Это был коллектив, созданный во время войны из очень слабых музыкантов. Постепенно, с огромным трудом, я его вышколила. Он стал «российским»; мы начали выезжать за границу. У меня хранятся газетные вырезки, где его именуют аж «одним из

лучших в Европе». Но однажды у нас сорвалась выгодная зарубежная поездка (по ошибке в Латинскую Америку запланировали отправить нас и одновременно оркестр Светланова). Музыканты приписали этот просчет мне — и тут же начался бунт на корабле — жалобы, письма в министерство, проверочные комиссии. В общем, наступила усталость в отношениях, завершившаяся надломом. Я ушла и несколько лет была дирижером-гастролером (лучшее время моей жизни!). А в начале перестройки создала еще один коллектив — нынешний.

— Вы уже столько лет работаете дирижером. Не тяжело ли? Возраст-то уже далеко не девичий.

— А дирижер — профессия без возраста. Но вы угадали: готовлю себе наследника. Это мой ученик, дирижер, который у нас уже работает, его зовут Туган Сохаев. Параллельно он служит в опере Уэльса — четыре месяца в году. Его высоко ценит Валерий Гергиев — и я.

— Осетинская мафия?

— Считайте, что так (смеется). Гергиев в Петербурге, я в Москве и вот теперь еще этот молодой человек. Раньше осетинам и не снилась такая музыкантская судьба. А в Осетии много талантливых людей. Мы народ малочисленный, но одаренный.

— Вы дирижируете по нотам или наизусть?

— Всегда с партитурой. На моих глазах во время концерта Вилли Ферреро, дирижировавшего наизусть 4-й симфонией Чайковского, кларнетист вступил по ошибке на одну четверть раньше... и все сразу же рассыпалось. Это был такой ужас! Я поняла тогда, что партитура нужна всем — за исключением, быть может, гениев. А наши музыканты «без партитуры» — это в основном малорепертуарные люди, вызубрившие полтора десятка вещей, которые у них кочуют из концерта в концерт.

— Чем занимаетесь в свободное время?

— У меня его нет.

— Что должен в первую очередь уметь дирижер?

— Сидеть на репетициях великих. Я прошла хорошую школу на репетициях Мравинского. Один знакомый музыкант, милый старичок из Госоркестра, как-то мне заметил: «Вы единственная из всех молодых, кто ходит на репетиции!» Нынешние — не ходят. Поэтому дирижерский класс в консерватории сейчас убогий. Жаль. Ведь дирижерская профессия — товар штучный.

Вероника Дударова — дод — мажор — С 4